

Издание Товарищества «ЗНАНИЕ» (СПБ., Невскій, 92).

Редакція Г. Фальборка и В. Чарнолускаго.

№ 3.

М. Гюйо.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕЙ ВРЕМЕНИ.

Съ предисловіемъ А. Фулье.

Переводъ И. К. Брусиловскаго.

МОРАЛЬ ЭНИКУРА

и ея связь съ современными ученіями.

Сочиненіе утверждено Академіей нравственныхъ и политическихъ наукъ.

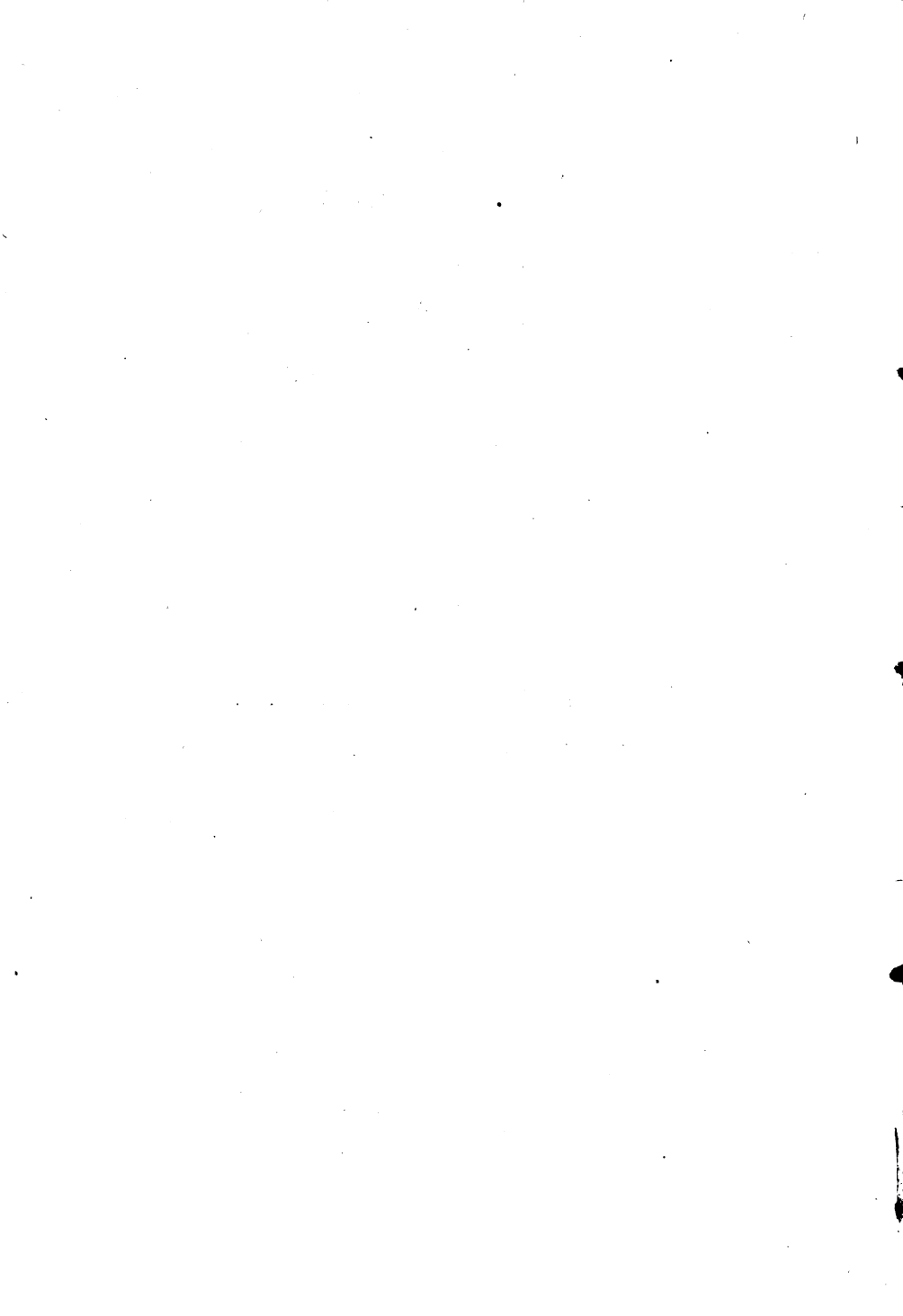
Переводъ К. Южина.

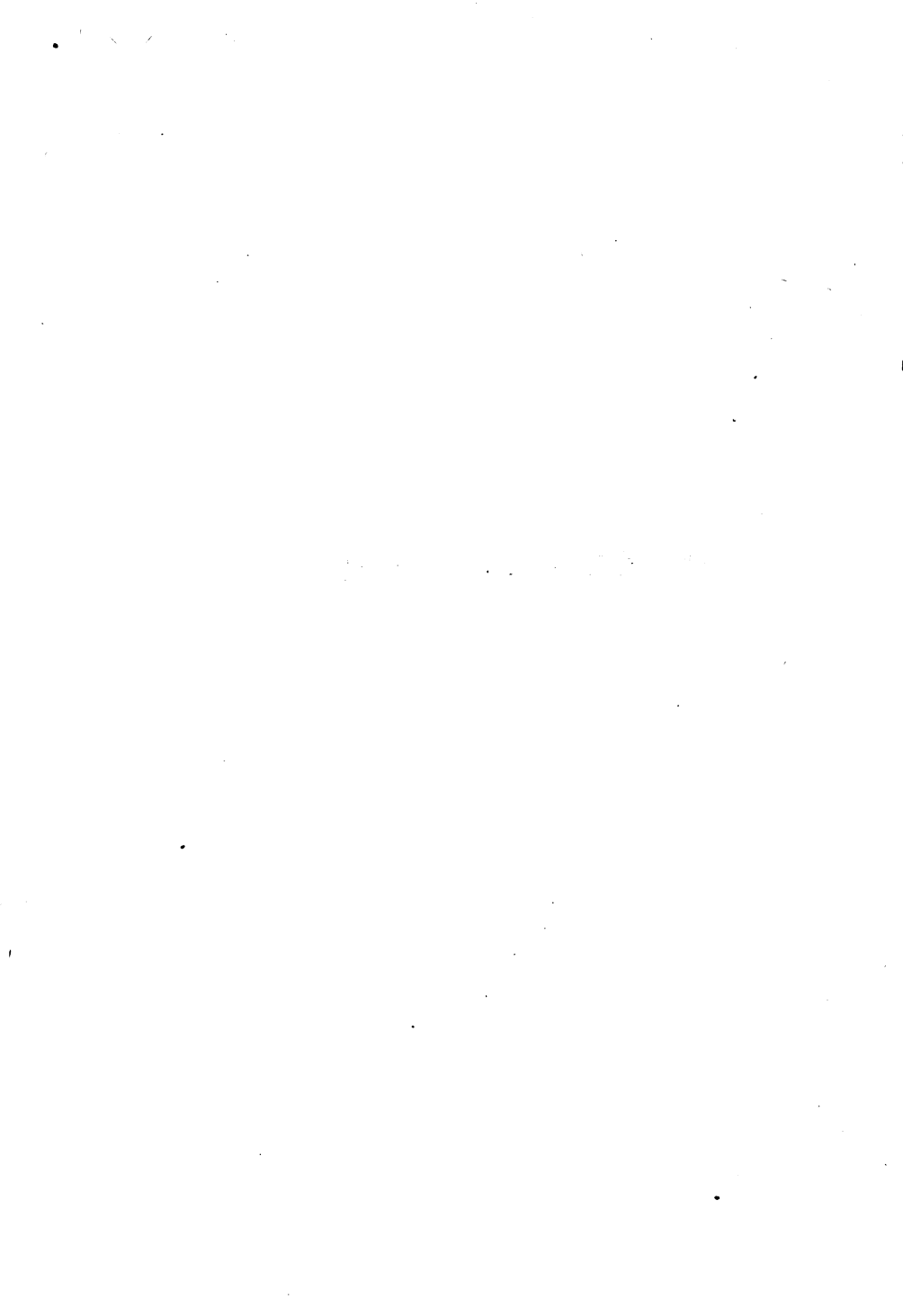
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. Т-ва «НАРОДНАЯ ПОЛЬЗА», Невскій, 148.

1899.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ ВРЕМЕНИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИДЕИ ВРЕМЕНИ.

	Стр.
Введеніе Альфреда Фулье	5
Предисловіе автора	19
Глава I.—Періодъ первоначальнаго смѣшенія	21
Глава II.—Пассивная форма времени; ея генезисъ исходитъ изъ понятій разницы, сходства, множественности, степени и порядка	27
Глава III.—Активная основа понятія времени; его генезисъ.— Участіе воли, намѣренія и двигательной дѣятель- ности.—Настоящее, прошедшее и будущее	33
Глава IV.—Время и память, воспоминаніе и фонографъ.—Про- странство, какъ способъ представленія времени	44
Глава V.—Нормальныя и патологическія иллюзіи времени	62
Заключеніе	79

МОРАЛЬ ЭПИКУРА.

Стр.

Предисловіе.—О методѣ изложенія системъ	83
Введеніе.—Эпикуризмъ въ древности и въ новѣйшія времена . .	91

КНИГА ПЕРВАЯ.

Плотскія удовольствія.

Глава I.—Удовольствіе, какъ цѣль жизни и основаніе всякой морали	99
Глава II.—Основное удовольствіе—удовольствіе чрева.	110
Глава III.—Норма удовольствія: польза.—Счастье, какъ верховное благо	115
Глава IV.—Желаніе.—Конечная цѣль желанія: покой, какъ самоудовлетвореніе	124

КНИГА ВТОРАЯ.

Духовныя удовольствія.

Глава I.—Душевная ясность. Знаніе, противоположаемое Эпикуромъ понятію чуда	137
Глава II.—Свобода.—Случайность (коптингентность) въ природѣ, какъ условіе человѣческой свободы	150
Глава III.—Спокойствіе передъ лицомъ смерти.—Эпикурейская теорія смерти и связь ея съ современными теоріями	158

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Частныя и общественныя добродѣтели.

Глава I.—Мужество и воздержанность.—Любовь и дружба.—	Стр.
Генезисъ дружбы.—Поведеніе мудраго въ человѣ-	
ческомъ обществѣ	209
Глава II.—Справедливость и общественный договоръ	228
Глава III.—Прогрессъ въ человѣчествѣ	236
Глава IV.—Эпикурейское благочестіе.—Борьба противъ божества,	
представляемаго какъ дѣйствующая причина . .	253
Заключеніе.—Эпикуризмъ и его аналогіи съ современнымъ пози-	
тивизмомъ. Успѣхъ эпикуризма въ древности	263

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новѣйшіе послѣдователи Эпикура.

Глава I.—Переходная эпоха между древнимъ и новѣйшимъ	
эпикуризмомъ	270
Глава II.—Ла-Рошфуко.—Психологія эпикуризма	288
Глава III.—Спиноза.—Примиреніе эпикуризма и стоицизма . .	308
Глава IV.—Гельвецій	319
Глава V.—Эпикурейскій духъ во Франціи въ XVIII вѣкѣ . . .	351
Заключеніе.—Современный эпикуризмъ	363

ВВЕДЕНИЕ.

Экспериментальная теорія времени и кантіанская теорія.

I.—Этюдъ Гюйо о происхожденіи идеи времени представляет собой важное видоизмѣненіе эволюціонной теоріи. Въ противоположность взгляду, который пользуется общимъ признаніемъ въ эволюціонной школѣ, Гюйо не допускаетъ зависимости воспріятія протяженности отъ воспріятія продолжительности; онъ предполагаетъ, если не пріоритетъ воспріятія протяженности, то, по крайней мѣрѣ, первоначальную одновременность этихъ двухъ родовъ представленій. На этой мысли небезполезно остановить свое вниманіе. Кантіанцы имѣютъ обыкновеніе предварительный вопросъ противопоставлять большинству изслѣдованій о происхожденіи, разъ эти изслѣдованія касаются понятій, которыя они считают данными *a priori*, въ качествѣ законовъ, необходимыхъ для самого представленія. Мы же, вмѣстѣ съ Гюйо, думаемъ какъ разъ обратное тому, что думаютъ Кантъ и даже Спенсеръ; мы полагаемъ, что время не есть «необходимая форма—*априорная* или *апостериорная*—всякаго представленія». Въ самомъ дѣлѣ, легко можно вообразить себѣ животное, которое вообще имѣетъ представленія, но не имѣетъ въ то же время *представленія* времени, которое можетъ испытывать состоянія удовольствія и страданія и имѣть пространственныя воспріятія, принадлежащія только настоящему моменту, которое способно представить себѣ все окружающее въ формѣ осязаемой или видимой протяженности, не обладая въ то же время памятью въ собственномъ смыслѣ этого слова, которое, однимъ словомъ, живетъ постоянно въ настоящемъ, не граничащемъ ни съ прошедшимъ, ни съ будущимъ. Если это животное ушиблось или поранилось случайно о какой либо предметъ, то видъ этого предмета можетъ позднѣе вызвать образъ перенесенной боли, и происх. идеи о времени.

животное обратится въ бѣгство; но для этого ему вовсе нѣтъ нужды представлять себѣ боль, какъ нѣчто угрожающее ему въ *будущемъ*, а имѣющійся у него теперь образъ боли, какъ обусловленный, въ своей *последовательности*, болью въ *прошедшемъ*. Когда дѣло идетъ о животномъ, можно предположить, что оно лишено всякаго, даже самаго смутнаго представленія о послѣдовательности, что вся психика его сводится къ сосуществованію пространственныхъ образовъ (причемъ это сосуществованіе не сознается); болѣе того, можно, гипотетически конечно, лишить животное самаго чувства времени, свести его духовную жизнь на совокупность статическихъ, а не динамическихъ состояній, видѣть въ ней механизмъ наличныхъ въ данный моментъ образовъ, въ которомъ отсутствуетъ сознаніе *перехода* одного состоянія въ другое. Погружайте это животное каждое мгновеніе въ мигическую рѣку забвенія Лету, или предположите, что, вслѣдствіе-ли остановки въ развитіи мозга, или вслѣдствіе поврежденія его, животное непрерывно забываетъ себя; образы не перестанутъ зарождаться въ головѣ, между ними и нѣкоторыми движеніями установится фізіологическая связь по той единственно причинѣ, что эти образы и движенія однажды совпали; такимъ образомъ, въ любое мгновеніе животное будетъ обладать цѣлымъ рядомъ представленій, оно совершитъ соотвѣтственный рядъ движеній, обусловленныхъ органическими связями, но во всемъ этомъ не будетъ участвовать ни представленіе, ни чувство послѣдовательности. Духовная жизнь низшихъ животныхъ должна походить на такое именно состояніе, какъ ни кажется оно гипотетическимъ. Животное относитъ въ прошедшее время часть своихъ представленій лишь тогда, когда организація его, послѣ болѣе или менѣе долгой эволюціи, достигаетъ извѣстной степени совершенства. Вначалѣ оно должно было чувствовать, воображать, наслаждаться, страдать, дѣйствовать и двигаться въ мірѣ объектовъ, которые оно относило только въ пространство; другими словами—оно должно было жить, оперируя смутными пространственными представленіями, ибо ясно различимое представленіе пространства требуетъ наличности такой утонченной организаціи, которая является въ результатъ позднѣйшаго развитія. Какимъ же образомъ кантіанцы могутъ поддерживать мысль, что нельзя «представить себѣ какого либо представленія, безъ представленія времени?»

Даже у людей бываютъ болѣзненные случаи, когда всякое понятіе о времени кажется исчезнувшимъ, когда они, не различая прошедшаго и настоящаго, дѣйствуютъ, руководясь пространственными представленіями

о предметахъ, автоматически возникающими путемъ зрительнаго воспріятія. И въ здоровомъ состояніи бывають подобные случаи исчезновенія времени изъ сознанія; они наблюдаются тогда, когда мы всецѣло поглощены какой либо мыслью или какимъ либо чувствомъ, когда мы впадаемъ въ экстазъ. Мы не чувствуемъ болѣе послѣдовательности нашихъ состояній; каждое мгновеніе завладѣваетъ нами совершенно, безъ остатка; умъ нашъ, лишенный способности вспоминать и сравнивать, становится, такъ сказать, умомъ *минуты*; наше «я» совершенно *теряется* въ занимающей насъ мысли или чувствѣ. Если насъ внезапно выводятъ изъ такого состоянія, парализующаго представленіе о продолжительности, мы не въ состояніи опредѣлить протекшаго промежутка времени: мы пробуждаемся, какъ бы отъ сна, въ которомъ время мирно покоилось на обломкахъ нашего разрушеннаго внутренняго мира. Итакъ, *представленіе* времени не относится къ роду необходимыхъ; что же касается *непосредственнаго сознанія* перехода отъ одного состоянія къ другому, то оно можетъ быть ограничено тѣмъ, что въ каждый моментъ внутреннее состояніе начинается сызнова, хотя бы и незамѣтно для посторонняго наблюдателя. Такое состояніе образуетъ рядъ внутреннихъ проблесковъ, изъ которыхъ каждый довлѣетъ себѣ; въ немъ исчезло бы сознаніе непрерывности. Конечно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ гипотетическимъ, предѣльнымъ случаемъ. На самомъ дѣлѣ, въ *нормальномъ* состояніи живое существо чувствуетъ, какъ оно переходитъ отъ одного ощущенія къ другому, и представленіе послѣдовательности очень рано сопутствуетъ послѣдовательностямъ представленій; но первое слѣдуетъ за послѣдними, какъ ихъ постоянное слѣдствіе, оно не предшествуетъ имъ, въ качествѣ причины, оно даже не обуславливаетъ ихъ. Истинное ихъ условіе кроется въ другомъ мѣстѣ. Оно скрыто въ реальномъ существованіи послѣдовательности и движенія внѣ насъ, а также въ нашемъ мозгу. Нашъ черепъ—вотъ *апріорная* рамка времени.

II.—Чтобы нѣсколько расчистить почву, на которой Гюйо стоитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ, проанализируемъ кантовское доказательство, и мы увидимъ, что оно все предполагаетъ, но ничего не доказываетъ. «Время, говоритъ Кантъ, не есть концепція, приобрѣтенная путемъ эмпирическимъ или экспериментальнымъ. Дѣйствительно, одновременность и послѣдовательность не могли бы попасть въ сферу нашего воспріятія, если бы представленіе времени не служило имъ апріорнымъ фундаментомъ». Въѣсть съ Гюйо мы думаемъ, что реальный порядокъ предста-

вляєть прямую противоположность тому, что рисуетъ Кантъ. Сначала животное имѣетъ изолированныя представленія, за ними идетъ послѣдовательность представленій, затѣмъ возникаетъ представленіе о полученныхъ представленіяхъ, порядокъ которыхъ не зависитъ отъ воли животнаго; такимъ образомъ, оно получаетъ представленіе о послѣдовательности представленій, а эта послѣдовательность принимаетъ, наконецъ, форму времени въ силу законовъ, сходныхъ съ тѣми, которые впечатлѣнію отъ вонзившейся въ тѣло булавки сообщаютъ форму боли, хотя бы въ сознаніи не имѣлось ни этой апріорной формы, ни апріорнаго понятія о боли. Несомнѣнно, что у животнаго представленіе времени не предшествуетъ прочимъ представленіямъ. О тѣхъ же, которые утверждаютъ, что *условія* возникающаго впослѣдствіи представленія о времени предшествуютъ самому представленію, можно сказать, что они ломятся въ открытую дверь. Очевидно, что *условія* всякаго явленія предшествуютъ этому явленію; что, если бы мы не имѣли мозга, способнаго чувствовать, мы не чувствовали бы; что, если бы наши ощущенія не были послѣдовательны, мы не ощущали бы ихъ въ извѣстной послѣдовательности; что, если бы одно ощущеніе исчезало безъ всякаго остатка съ той минуты, какъ на его смѣну появляется другое, мы не имѣли бы памяти; что, если бы мы не имѣли памяти, то у насъ не было бы идеи о послѣдовательности представленій; но свойства нашихъ представленій въ такой-же мѣрѣ нельзя признать *апріорными* свойствами, *апріорными* законами, *апріорными* интуиціями или *апріорными* формами, въ какой нельзя признать *апріорной* ту форму, которую волна воды принимаетъ въ дѣйствительности. Не будемъ же принимать способъ или постоянный результатъ нашего опыта за *условіе*, которое предшествуетъ опыту и стоитъ надъ нимъ.

«Время,—продолжаетъ Кантъ,—есть *необходимое представленіе*, служащее основаніемъ *всякаго рода интуицій*». Но и это положеніе мы отвергаемъ вмѣстѣ съ Гюйо. Ощущеніе, какъ мы видѣли, можетъ быть испытано и безъ того, чтобы оно сопровождалось представленіемъ времени. Животное, которое чувствуетъ, какъ въ его тѣло вонзаются зубы его врага, совсѣмъ не нуждается для этого въ представленіи времени. Время—«необходимое представленіе» только для сложныхъ представленій послѣдовательности; другими словами, необходимо представить себѣ время, чтобы его себѣ представить. Такъ какъ психическая жизнь наша всегда сводилась на послѣдовательность представленій, то мы не можемъ и вообразить себѣ другого способа представленія явленій, такъ какъ такой способъ

не данъ намъ никакимъ опытомъ. Постоянное свойство нашего опыта не можетъ не казаться намъ необходимою самого опыта, необходимою, которая находитъ себѣ постоянное подтвержденіе въ ея гармоніи съ реальнымъ существованіемъ движеній во времени, внѣ насъ совершающихся.

«Опираясь на одну эту необходимость, говоритъ Кантъ далѣе, обосновываютъ *a priori* возможность аподиктическихъ принциповъ, касающихся отношеній времени или такихъ общихъ аксіомъ о времени, какъ, напр., слѣдующая: время имѣетъ только одно измѣреніе». — Эта аксіома, на нашъ взглядъ, есть лишь аналитическое выраженіе нашего постоянного представленія, переводъ факта сознанія, не допускающаго исключенія. Боль побуждаетъ насъ избѣгать ея — вотъ фактъ или законъ; мы представляемъ себѣ время съ однимъ измѣреніемъ, пространство — съ тремя, мы чувствуемъ цвѣтъ, звукъ, запахъ съ извѣстной интенсивностью, — вотъ другіе опытные факты или законы, которые являются законами самого опыта въ теперешней его формѣ, слѣдовательно, законами наиболѣе общими. Но вопросъ объ ихъ происхожденіи, какъ и вопросъ объ ихъ необходимости *a priori* и ихъ причинности, остается открытымъ.

Кантъ отвѣчаетъ: «въ такомъ случаѣ слѣдуетъ говорить лишь о томъ, чему учить насъ общее наблюденіе, а не о томъ, что *должно быть*». — Но на самомъ дѣлѣ мы можемъ сказать только слѣдующее: общее наблюденіе механизма самого наблюденія, общее опытное познаніе самого опыта учить насъ, что мы всегда имѣемъ ряды представленій, которыя приводятъ къ представленіямъ однолинейныхъ рядовъ и, наконецъ, группируются въ представленіи одного ряда — времени; да мы и не можемъ вообразить себѣ иначе фактовъ опыта, такъ какъ не имѣемъ для этого никакихъ средствъ. Почему же это такъ? Мы не знаемъ. Вѣдь констатировать самый общій изъ фактовъ не значитъ еще возвести его на степень «*априорной* интуиціи».

«Время, — говоритъ Кантъ, — не есть дискурсивная или, какъ принято говорить, общая концепція, но чистая форма чувственной интуиціи. Различныя времена — лишь части одного и того же времени; представленіе, которое можетъ быть дано однимъ только объектомъ, есть интуиція».

Кантъ хочетъ этимъ сказать, что мы не обобщаемъ имѣвшихся у насъ различныхъ и разрозненныхъ послѣдовательностей; но это зависитъ отъ того, что мы заполняемъ пробѣлы нашего опыта оптическимъ пріемомъ, аналогичнымъ тому, какимъ мы заполняемъ пробѣлы пространства.

Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что идея времени есть *интуиція* объекта, а не *наибольше постоянное качество* нашего опыта? То, что говоритъ Кантъ—что есть одно лишь время, а не нѣсколько временъ,—примѣнимо вѣдь только къ научному и философскому понятію времени. Подобно тому, какъ вначалѣ, вопреки кантовской теоріи, для животнаго вѣроятно существуетъ не одно, а нѣсколько пространствъ, какъ-то: пространство осязательное, зрительное, обонятельное, сочетаніе же или сліяніе этихъ пространствъ въ единое представленіе единого, однородного и безконечнаго пространства есть результатъ позднѣйшаго развитія,—точно также для животнаго существуетъ вѣроятно нѣсколько временъ, нѣсколько осколковъ продолжительности, которые совсѣмъ оно и не думаетъ вытягивать въ одну математическую линію. Другими словами, оно представляетъ себѣ различныя послѣдовательности, изъ которыхъ каждая объективно является частью, существующей отдѣльно, обрывкомъ разорванной цѣпи; оно имѣетъ послѣдовательность слуховыхъ образовъ и послѣдовательность зрительныхъ образовъ, имѣетъ послѣдовательность желаній, испытываетъ голодъ, жажду и т. д. Всѣ эти, сначала разсѣянные и прерывающіеся ряды носятъ въ его воображеніи,—сама жизнь у него походить на сонъ. Животное не совершаетъ научной работы, которая заключается въ сравненіи отдѣльныхъ рядовъ между собой, въ признаніи, что они образуютъ единый рядъ и что теченіе времени, взятое съ его объективной стороны, является непрерывнымъ, однообразнымъ и тождественнымъ для всѣхъ существъ. Это понятіе времени, какъ и понятія безконечно-малаго, безконечно-большаго, универсальной причинности, есть утонченный продуктъ человѣческаго размысленія. Утверждать же, что для того, чтобы имѣть какія-либо представленія, необходимо обладать этой *чистой интуиціей* времени, хотя бы и въ смутномъ еще состояніи, значить переносить наше современное знаніе въ періодъ первобытнаго невѣжества. Къ тому же даже и теперь мы вовсе не обладаемъ чистой интуиціей времени; всѣ тѣ интуиціи времени, какія мы теперь имѣемъ, суть интуиціи конкретныя, пространственныя и, скажемъ прямо, чувственныя. Мы принуждены представлять себѣ время *косвенно*, окольнымъ путемъ. Сознаніе перехода во времени не есть «интуиція» времени, еще менѣе оно есть интуиція, стоящая надъ опытомъ; напротивъ того, оно—тотъ же опытъ, поднявшійся на ту ступень своего развитія, на которой онъ способенъ размышлять о самомъ себѣ. Эта ступень достигается только взрослымъ человѣкомъ, да и то ученымъ. Животное или ребенокъ, въ большинствѣ случаевъ, обходятся одними перспективами пространства.

Итакъ, насколько справедлива мысль, что послѣдовательность представлений не есть представление о послѣдовательности, настолько же ложна мысль, будто это, появляющееся значительно позже, представление послѣдовательности есть сошествіе чистой интуиціи въ сознание, аналогичное сошествію Святого Духа у апостоловъ; это представление есть усовершенствованіе ума, который отъ изолированныхъ представлений подымается мало-по-малу до представленія интенсивнаго, экстенсивнаго и протенсивнаго ряда. Послѣ того, какъ каждое изъ имѣвшихся представлений оставило свой слѣдъ въ сознательномъ существѣ, у послѣдняго зарождается, наконецъ, представление объ ихъ порядкѣ и способѣ ихъ появленія; оно глядитъ назадъ во время, какъ оно глядитъ назадъ въ пространство. Это, конечно, усложненное представление, обязанное своимъ существованіемъ размысленію опыта надъ опытомъ же при помощи органовъ повторяющихъ и конденсирующихъ.

«Представленіе, — говоритъ, какъ мы только что видѣли. Кантъ, — которое можетъ быть дано лишь *однимъ объектомъ*, есть интуиція». Но гдѣ же, наконецъ, этотъ *единственный* объектъ, который есть время и котораго интуицію мы будто бы имѣемъ? Тщетно я ишу его въ своемъ сознании, я не могу усмотрѣть въ немъ времени въ самомъ себѣ, времени, даннаго какъ одинъ «объектъ». Я представляю себѣ послѣдовательность ощущеній, страстей, удовольствій, страданій, хотѣній, движеній; но никакимъ образомъ я не могу представить себѣ послѣдовательности въ чистомъ ея видѣ, безъ тѣхъ объектовъ, которые другъ за другомъ слѣдуютъ, какъ я не могу представить животнаго вообще, которое не было бы человѣкомъ, лошадыю или т. п. Справедливо, конечно, что въ нашемъ воображеніи существуетъ, повидимому, ничѣмъ не заполненный кадръ; онъ напоминаетъ длинную, пустынную аллею, вдоль которой — я это чувствую — распредѣляется все содержаніе моей духовной жизни; но и этотъ кадръ есть послѣдній остатокъ чувственной интуиціи: присмотритесь къ нему поближе и вы откроете въ немъ не совсѣмъ ясное сознаніе ощущеній, желаній, жизни и, въ особенности, движенія. Чтобы постигнуть *математическое* время, вы проводите линію въ воображеніи; вы переходите отъ времени къ пространству. Здѣсь нѣтъ никакой *чистой* интуиціи. Да есть ли время въ самомъ дѣлѣ *объектъ*, реальность, которую можно было бы созерцать, *intueri*, *чистое* и *сверхчувственное* существованіе, которое удастся узрѣть *чистымъ* и *сверхчувственнымъ* зрѣніемъ?

Чистая интуиція невозможна и въ самой системѣ Канта. Въ самомъ дѣлѣ, Кантъ полагаетъ въ качествѣ основного принципа, что